

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПИСАТЕЛЬ

Алексей Иванов: Сформулировать идеологию региона — это весьма достойная задача

Ольга Дворянова

Несмотря на невероятный интерес публики к фильму «Географ глобус пропил», с автором одноимённого романа Алексеем Ивановым не произошло то, что называется «проснулся знаменитым». Зато вышла его новая книга «Горнозаводская цивилизация» в прекрасном полиграфическом исполнении. По этому случаю 1 декабря Иванов в Москве, в концертном зале ЗИЛ, устроил встречу с читателями. На ней он рассказал, почему хочет сам выстраивать видеоряд к своим текстам, почему современность вызывает у него отвращение, а также, как всегда, отчаянно защищал своего неоднозначного героя Виктора Служкина и категорически отказался говорить, о чём будет очередной роман.

— Как вам живётся в образе литературного классика?

— Классик — это совершенно иной статус существования автора. Чем выше статус — тем больше возможностей. При всём внимании публики к фильму «Географ глобус пропил», при том огромном количестве наград, которые этот фильм собрал, лично у меня объём возможностей не расширился. Не могу сказать и то, что я проснулся знаменитым. Я не ощущаю себя в статусе классика.

— Сейчас «Географа» перевыпустили с кинообложкой, значит, ожидаются новые продажи, новые влюблённости в вашего героя. Неужели это не то, чего хочет писатель, когда садится перед компьютером и нажимает первую букву?

— Безусловно, то. Но сейчас мне хочется заниматься другими проектами. Скажем, делать документальное кино, подобное «Хребту России».

— У писателя есть преимущество перед любыми медиахудожниками — он полностью свободен. Ему не нужны большие деньги, ресурсы, другие люди, он может сидеть на цепи, как Сервантес, и создавать миры. Не хочется вернуться туда?

— Я оттуда и не уходил. В ближайшее время засяду за роман. Тем не менее мы далеко ушли от времён Сервантеса и сейчас живём во времена мультимедиа, когда не менее, чем текст, важна картинка. И хочется эту картинку подбирать самому. В формате документального кино мои возможности как автора значительно больше.

— В вашем творчестве есть два основных потока: исторические романы, посвящённые великим движениям на карте, великим героям, и современные, жёсткие, сатирические. Из последних «Географ» — самый «мимими». Почему современность вызывает у вас такое отвращение?

— Лет 5-10 назад один критик сказал: «Как жалко, что читатель не понимает, что «Географ» — это рождественская сказка, Диккенс». Он был совершенно прав! Это действительно очень светлое произведение, в нём нет критики действительности.

А по поводу роста критического отношения всё же понятно: умножая познания, умножаешь скорбь, «чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак», ну и т. д.

— Почему «Псоглавцы» сначала вышли под псевдонимом?

— Достало, что меня причисляли к пермским краеведам, «певцам родного края». Захотелось уйти от этого клише, и подумал: напишу-ка я новые романы под псевдонимом. Издательство было страшно против, потому что новое имя — это падение продаж, необходимые капиталовложения на раскрутку... Я всё-таки уломал издательство, а в результате поменял шило на мыло. Вместо одного клише получил другое — «начинающего автора». Всем тут же захотелось поучить меня писать. Я понял, что овчинка выделки не стоит, и следующий роман из этой серии («Комьюнити» — ред.) издал уже под своим именем.

— Получается, читатель — это ужасно неблагоприятная скотина? В этом звучит обида на него. Хотели бы другого?

— Нельзя любую реакцию на раздражитель ровнять с обидой. Вот вы идёте по улице, а вам на голову кирпич падает. Вы что, обиделись на этот кирпич? Всегда есть те, кому нравится и кому не нравится. Сейчас у нас интернет, доступ к информации ничем не лимитирован. В этой ситуации незнание — это благо. Раньше было знание — сила, сейчас — незнание. Меньше знаешь — легче живётся, крепче спишь. Об этом мой роман «Комьюнити». От такого отношения читателей, зрителей страдают абсолютно все публичные люди. Ладно, мы, писатели, утёрлись и пошли дальше. Но что зрители говорят про режиссёров, актёров — это вообще кошмар!

— Одни считают Служкина тряпкой, другие — что он заслуживает уважения. Каким вы создавали этого героя?

— Давайте разберём его пороки по пунктам. Виктор Служкин — алкоголик? Алкоголики — это те люди, поступками которых руководит алкоголь. Мой герой не такой. Разумеется, он пьёт много, а порой даже чересчур. Напивается, когда ему нужно совершить какую-то под-

ФОТО ПРОДЮСЕРСКИЙ ЦЕНТР «ИЮЛЬ»

лость. Он этого не хочет, но своей порядочностью не желает превозноситься над окружающими (гордость — как известно, смертный грех). И замещает подлость свинством. Привела его учительница немецкого к себе, он близости с ней не хочет и просто напивается, как свинья. Это, кстати, советский способ существования: когда люди не хотели идти на партсобрания, чтобы там не осуждать кого-нибудь, — просто напивались. С пьяного никакого спросу.

Точно так же Служкин напивается со школьниками в электричке, когда приходит мальчик, который терзал его целый год. Он берёт парня в поход, потому что относится к нему милосердно. Герой поступает так неблагоприятно, чтобы снять вопросы к себе других детей.

Служкин — тряпка? Человек, не способный на поступок? А какой поступок он может совершить? Изнасиловать свою жену, избить друга, затаскать школьников в милицию? В обстоятельствах, которые ему предлагаются, нет места для поступка. Это экзистенциальная безвыходность. Делать ему нечего, можно только смириться. И он ищет способы примириться с этим миром.

Если мой герой не ставит социальный успех во главу угла и не достигает его, почему же мы говорим о том, что он — неудачник? Он нормальный, социализированный человек: живёт в своей квартире, женат, имеет высшее образование и даже какую-то научную степень, ходит на работу; не прогуливает, даже по пьянке; у него есть друзья, хобби, развлечения. Единственный его недостаток — он мало зарабатывает. А покажите мне учителя, который получает много? Так обвиняйте в этом Путина!

Все претензии к Служкину на поверку оказываются пшиком.

— Невысоко оценивают Служкина в основном барышни...

— Ещё Толстой говорил, что девушки рассматривают любого мужчину как потенциального жениха. Да, жених из Служкина не очень. Но я же писал роман не с целью женить героя.

— Урал для вас — особая зона? Камни там что ли сложены как-то не так, как везде в мире, и художники рождаются особенные?

— Книга «Горнозаводская цивилизация» — ответ на ваш вопрос. Экзотизация Урала, к счастью, не имеет ничего общего с объективной реальностью. Просто Урал до сих пор самая индустриализованная зона планеты. Главное для человека уральского менталитета — созидание, труд. А тот, кто созидает, априори интересней того, кто потребляет.

— О чём будет новая книга?

— В феврале-марте выходит книга «Ёбург», она о том, как советский город Свердловск превратился в Екатеринбург. Это non-fiction.

— Говорит ли это о том, что вы переросли fiction?

— Нет. После этого буду писать роман.

— Роман уже надумался, набух?

— Набух.

— На протяжении нескольких лет вы формируете уральский миф. Как публичный интеллектуал, ставите перед собой какие-то общественно-политические цели, хотите воздействовать на пространство?

— Хочу ли я быть губернатором? Плох тот русский писатель, который не мечтает стать политиком! Но особых амбиций у меня нет. Время от времени ко мне обращаются представители Уральского федерального округа, Министерства культуры Свердловской области, и я что-то придумываю, помогаю, советую, но становиться во главе какой-то госструктуры, руководить культурными практиками — нет. Хотя сформулировать идеологию региона хочется — это весьма достойная задача.

— Сейчас на сайте Colta.ru идёт голосование о «самом влиятельном интеллектуале России». Вы в этом списке тоже есть. Чувствуете себя влиятельным интеллектуалом? Кого считаете соперниками?

— Писатель может влиять на общественное сознание — в идеале, в реальности — вряд ли. Если в реальности писатель действительно выходит на такой масштаб, что он может влиять на общественное сознание, ему всё равно приходится обслуживать это общественное сознание. Например, Пелевин уже давным-давно это делает. О том, насколько человек влиятелен, можно судить по объёму его возможностей. Я не располагаю какими-то особенными. Имею в виду возможность реализовать всё, что хочешь. ■